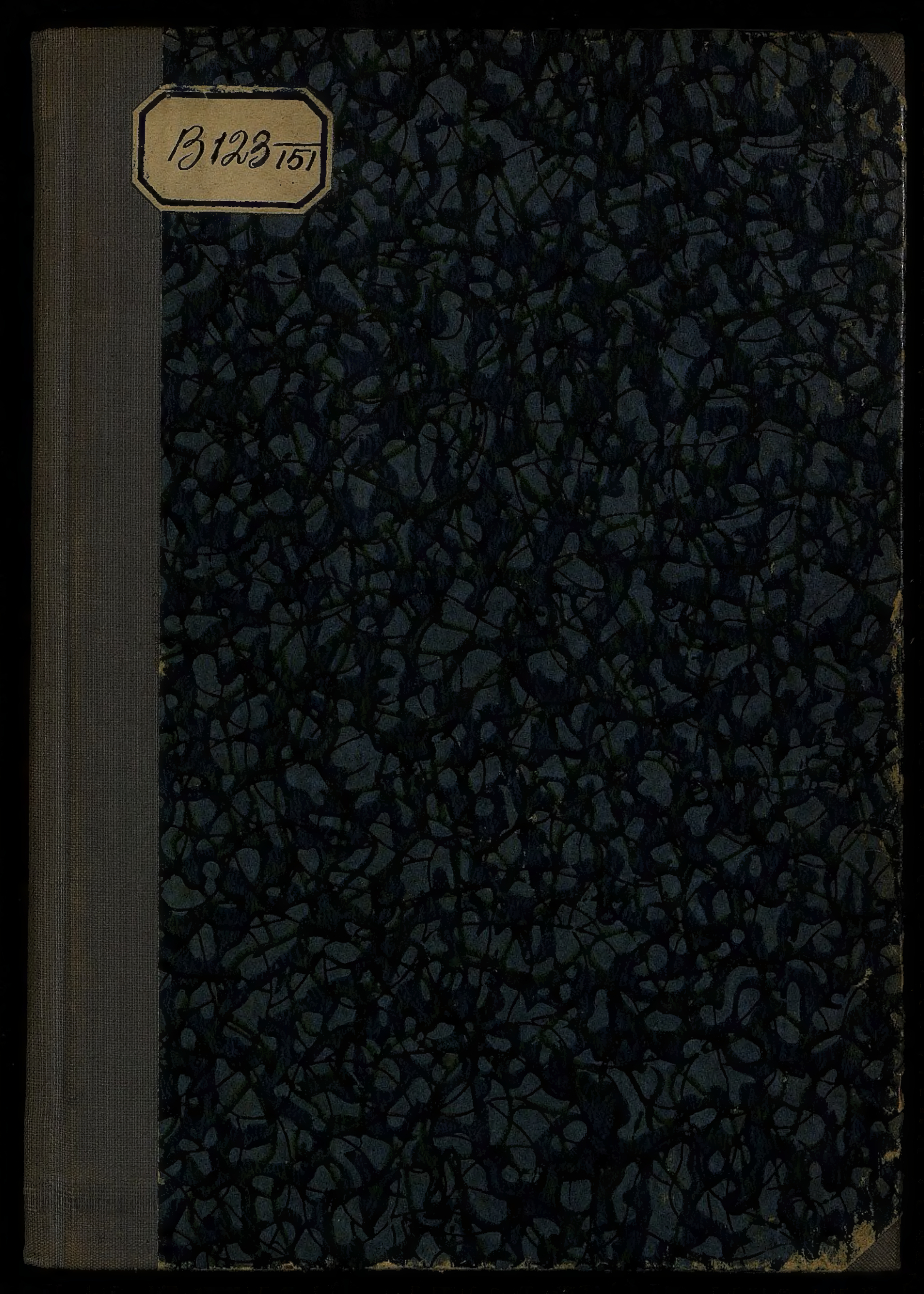

В123 151

Л. Лавровскій.

Графу А. А. Бобринскому на память от автора 19 VI/16 14

НОВЫЯ ДАННЫЯ
ДЛЯ ТОПОГРАФІИ
Г. СМОЛЕНСКА ВЪ НАЧАЛѢ XVII В.,

ПО ДОКУМЕНТАМЪ

Смоленской приказной избы, при воеводѣ ояринѣ М. Б. Шеинѣ (1608–1611 г.)

(Отдѣльные оттиски изъ №№ 8 и 9 Смоленскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1914 годъ).

СМОЛЕНСКЪ.
Типографія П. А. Силина.
1914.

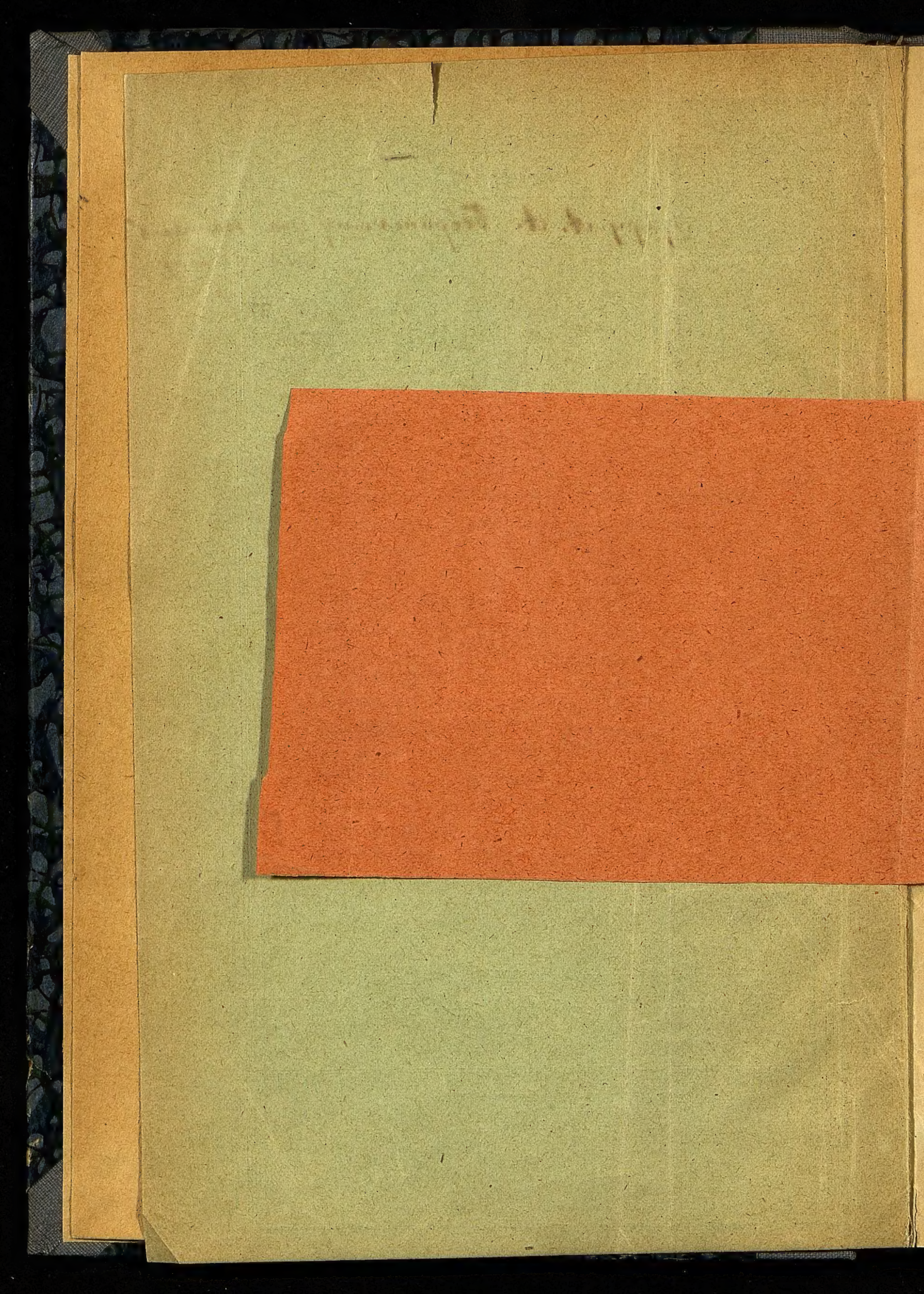
Новыя данныя для топографіи г. Смоленска въ началѣ XVII вѣка, по документамъ Смоленской приказной избы, при воеводѣ бояринѣ М. Б. Шеинѣ (1608-1611 г.[1]).

Замѣченныя опечатки.

Стр.	Строки.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
8	11 снизу	XVIII в.	XIX в.
11	15 сверху	160 г.	1609 г.
14	2—3 сверху	Городской	Городенской
21	9 снизу	церковной	церковищѣ
22	4 снизу	моедѣлахъ	предѣлахъ
„	3 снизу	нажетъ	можетъ
27	13 сверху	1654	1634
30	16 сверху	Хозярева,	Смородинова,

изученіе Смоленска, хотя могъ имѣть много данныхъ для такого изученія въ дѣлахъ Консисторскаго архива. Въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка появляется въ Смоленскѣ настоящій историкъ этого города, С. П. Писаревъ, страстный любитель археологіи, отдавшій на это дѣло всѣ свои силы и создавшій, можно сказать, почти единичными своими усиліями и средствами богатый и интересный городской музей. Его заслуги для Смолен-

[1]) Рефератъ, читанный въ засѣданіяхъ Смоленскаго Ц.-А. Комитета 20 января и 28 мая 1913 года.

Новыя данныя для топографіи г. Смоленска въ началѣ XVII вѣка, по документамъ Смоленской приказной избы, при воеводѣ бояринѣ М. Б. Шеинѣ (1608-1611 г. [1]).

Первая попытка разработки топографіи г. Смоленска встрѣчается въ статьѣ московскаго литератора Свиньина, напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1826 г., подъ заглавіемъ: „Взглядъ на достопримѣчательныя зданія въ г. Смоленскѣ и урочищахъ, находящихся въ Смоленской губерніи". Важно, что въ этой далеко несовершенной статьѣ авторъ, слѣдуя во многомъ Н. А. Мурзакевичу, даетъ кое-что изъ воспоминаній старожиловъ и приводитъ немногія данныя изъ старыхъ межевыхъ книгъ г. Смоленска, которыми онъ или не желалъ, или не могъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ. Гораздо удачнѣе и въ болѣе полномъ видѣ исполнилъ подобный же трудъ извѣстный Одесскій профессоръ Ник. Никиф. Мурзакевичъ въ статьѣ, напечатанной въ Ж. М. Н. Пр. за 1835 г., подъ заглавіемъ „Достопамятности г. Смоленска." Составитель Историко-Статистическаго описанія Смоленской епархіи", г. Трофимовскій, очень мало подвинулъ впередъ топографическое изученіе Смоленска, хотя могъ имѣть много данныхъ для такого изученія въ дѣлахъ Консисторскаго архива. Въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка появляется въ Смоленскѣ настоящій историкъ этого города, С. П. Писаревъ, страстный любитель археологіи, отдавшій на это дѣло всѣ свои силы и создавшій, можно сказать, почти единичными своими усиліями и средствами богатый и интересный городской музей. Его заслуги для Смолен-

---

[1]) Рефератъ, читанный въ засѣданіяхъ Смоленскаго Ц.-А. Комитета 20 января и 28 мая 1913 года.

ской археологіи всѣмъ извѣстны. Дѣло изученія Смоленской топографіи онъ поставилъ на историко-археологическую почву и впервые удачно истолковалъ многія сохранившіяся до нашего времени развалины бывшихъ въ Смоленскѣ церквей, монастырей и другихъ урочищъ. По стопамъ С. П. Писарева пошелъ коренной смолянинъ И. И. Орловскій, особенно хорошо изучившій старинные (XVIII в.) планы г. Смоленска и превосходно написавшій исторію Смоленской городской стѣны. Путеводители по Смоленску, составленные Писаревымъ и Орловскимъ, еще и доселѣ сохраняютъ свою высокую научную цѣнность. Памяти этихъ умершихъ достопочтенныхъ изслѣдователей Смоленской топографіи я и посвящаю свой настоящій рефератъ, какъ естественную дань уваженія къ трудамъ почившихъ членовъ Смоленскага Ц.—Арх. Комитета.

Настоящій докладъ составленъ мною на основаніи изданныхъ въ прошломъ году документовъ Приказной избы знаменитаго защитника Смоленска, воеводы Михаила Борисовича Шеина. Странная судьба постигла этотъ архивъ. Въ Смоленскѣ онъ былъ захваченъ поляками и увезенъ въ Польшу, а оттуда въ половинѣ XVII вѣка, во время войны шведскаго короля Густава Адольфа съ поляками, вывезенъ въ Швецію, и попалъ въ частный архивъ графовъ Брахе, которые недавно передали документы въ Стокгольмскій Госуд. архивъ. Московскому ученому Ю. В. Готье удалось привести ихъ въ порядокъ, и, по порученію Моск. Общ. Истор. и Древ. Росс., они напечатаны въ 1 кн. „Чтеній“ за 1912 г., издаваемыхъ указаннымъ Обществомъ. Издатель документовъ, проф. Готье, въ своемъ предисловіи отмѣчаетъ, что документы Шейновскаго архива важны для топографіи Смоленска, и сожалѣетъ о томъ, что плана Смоленска, современнаго осадѣ города въ 1609—11 г., не существуетъ, а потому онъ самъ пользовался планомъ Гондіуса. Вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію Готье о важности изданныхъ документовъ для топографіи Смоленска и постараемся из-

влечь изъ нихъ все самое важное и интересное въ этомъ отношеніи. Въ изслѣдуемыхъ нами документахъ есть нѣсколько названій улицъ и мѣстъ въ Смоленскѣ, которыя теперь носятъ совсѣмъ другія названія; постараемся опредѣлить ихъ положеніе, а также положеніе торга, житнаго двора и другихъ упоминаемыхъ въ документахъ мѣстъ и, наконецъ, воспользуемся новыми данными для указанія мѣстоположенія доселѣ неизвѣстныхъ церквей и внесемъ поправки въ существующія опредѣленія мѣстонахожденія церквей, извѣстныхъ по имени, но прекра-

дѣлимы, за исключеніемъ Щели, Рясны и Отцовской горы. Какъ видно изъ росписи, назначеніе разъѣздовъ начато съ восточной стороны, отъ Крылошевскихъ воротъ, на мѣстѣ которыхъ теперь проломъ и путь на Рачевку. Мѣстность, названная Щелью, указана за Авраамієвскимъ монастыремъ до Еленскихъ, или теперь Никольскихъ, воротъ. Если мы взглянемъ на планъ Гондіуса, то уви-

ской археологіи всѣмъ извѣстны. Дѣло изученія Смоленской топографіи онъ поставилъ на историко-археологическую почву и впервые удачно истолковалъ многія сохранившіяся до нашего времени развалины бывшихъ въ Смоленскѣ церквей, монастырей и другихъ урочищъ. По стопамъ С. П. Писарева пошелъ коренной смолянинъ И. И. Орловскій, особенно хорошо изучившій старинные (XVIII в.) планы г. Смоленска и превосходно написавшій исторію Смоленской городской стѣны. Путеводители по Смоленску, составленные Писаревымъ и Ор-

Готье, въ своемъ предисловіи отмѣчаетъ, что документы Шейновскаго архива важны для топографіи Смоленска, и сожалѣетъ о томъ, что плана Смоленска, современнаго осадѣ города въ 1609—11 г., не существуетъ, а потому онъ самъ пользовался планомъ Гондіуса. Вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію Готье о важности изданныхъ документовъ для топографіи Смоленска и постараемся из-

влечь изъ нихъ все самое важное и интересное въ этомъ отношеніи. Въ изслѣдуемыхъ нами документахъ есть нѣсколько названій улицъ и мѣстъ въ Смоленскѣ, которыя теперь носятъ совсѣмъ другія названія; постараемся определить ихъ положеніе, а также положеніе торга, житнаго двора и другихъ упоминаемыхъ въ документахъ мѣстъ и, наконецъ, воспользуемся новыми данными для указанія мѣстоположенія доселѣ неизвѣстныхъ церквей и внесемъ поправки въ существующія опредѣленія мѣстонахожденія церквей, извѣстныхъ по имени, но прекратившихъ свое существованіе.

Въ документѣ № 132 напечатана роспись полицейскихъ разъѣздовъ по Смоленску „для огней (т. е. чтобы во время гасили огни въ домахъ) и для питейной выимки", а начальникамъ этихъ разъѣздовъ былъ назначенъ каждому свой участокъ. „Лѣта 118 (т. е. 1610), апрѣля въ 21 день, посланы въ объѣздъ ѣздить: отъ Крылошевыхъ воротъ до Щели, а вверхъ до Авраамія, а Щелью до Еленскихъ воротъ—Кузьма Давотчиковъ. Отъ старыхъ отъ Духовскихъ воротъ до Щели и, по другую сторону, до Пятницкихъ до воденыхъ воротъ, Тимофей Кошелевъ. Отъ Пятницкихъ отъ воденыхъ воротъ по Пятницкіе же по болшіе ворота, вверхъ къ Смолигову колодезю до роскату и къ Копытецкимъ воротамъ—Өеодоръ Жидовиновъ. Отъ Пятницкихъ отъ большихъ воротъ вверхъ къ роскату по обѣ стороны къ Ряснѣ до Копытскихъ же воротъ,—Дмитрій Сназинъ. Отъ Пятницкихъ же воротъ до Богословской башни, и вверхъ по Ряснѣ и по Отцовской горѣ,—Иванъ Доводчиковъ." Всѣ названія отмѣченныхъ въ этой росписи пунктовъ извѣстны и легко опредѣлимы, за исключеніемъ Щели, Рясны и Отцовской горы. Какъ видно изъ росписи, назначеніе разъѣздовъ начато съ восточной стороны, отъ Крылошевскихъ воротъ, на мѣстѣ которыхъ теперь проломъ и путь на Рачевку. Мѣстность, названная Щелью, указана за Авраамієвскимъ монастыремъ до Еленскихъ, или теперь Никольскихъ, воротъ. Если мы взглянемъ на планъ Гондіуса, то уви-

димъ, что въ началѣ XVII в. Зеленый ручей имѣлъ на югъ болѣе длинное протяженіе, чѣмъ теперь. Теперь онъ круто обрывается позади усадьбы духовнаго училища, а у Гондіуса онъ показанъ продолжающимся по Авраамі-евской улицѣ до Еленскихъ воротъ, приблизительно по правой сторонѣ этой улицы. Чрезъ ровъ, немного выше Авраамiевскаго монастыря, былъ перекинутъ мостъ, и съ этого мѣста ровъ все болѣе и болѣе суживается, такъ что подъ конецъ имѣетъ видъ узкаго щелевиднаго оврага. Это мѣсто и есть то, которое въ документахъ названо Щелью.

Труднѣе опредѣлить, что такое Рясна и Отцовская гора. Отъ временъ доисторическихъ вокругъ Смоленска сохранились названія горъ: Дѣвичья, Молодецкая и Бабья гора. Первая — на правой сторонѣ Днѣпра, въ имѣніи Шембеля, а теперь Танцова. Почти напротивъ нея, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, непосредственно за Шеинымъ острогомъ въ направленіи къ Смоленску — Молодецкая гора. Бабья гора находится рядомъ съ Покровской, въ направленіи къ западу, отдѣляясь отъ второй рвомъ, и въ сосѣдствѣ съ Лысой горой, на которой стоитъ Тихвинская церковь. На Бабьей горѣ теперь лагерь Софійскаго полка. Если съ этой горы смотрѣть на противолежащую въ Смоленскѣ гору, то увидимъ Казанскую гору. По противоположности съ Бабьей горой, какъ Дѣвичья и Молодецкая, въ древности эта гора и должна была называться Отцовской (т. е. горой женатыхъ мужчинъ). Что Отцовская гора есть теперешняя Казанская, — это открывается также изъ анализа вышеуказаннаго документа. Второй полицейскій объѣздчикъ долженъ былъ дозирать отъ Духовскихъ воротъ (а эти ворота были въ старомъ деревянномъ городѣ, подлѣ Крылошевскихъ воротъ) и до Щели, а по другую сторону, по теперешней Армянской улицѣ, до Пятницкихъ водяныхъ воротъ, или, иначе, до 2 башни за Днѣпровскими воротами. Третій объѣздчикъ ѣздилъ отъ Пятницкихъ водяныхъ воротъ по Пятницкія большія ворота, до 4 башни отъ Днѣпровскихъ воротъ, гдѣ теперь

Пятницкій проломъ, и вверхъ къ Смолигову колодцу. Этотъ колодецъ и теперь существуетъ подъ Вознесенской горой, а проѣхать къ нему снизу можно по Рѣзницкой улицѣ. Далѣе объѣздчикъ долженъ былъ направляться къ раскату и къ Копытецкимъ воротамъ. Копытецкія ворота—нынѣ та башня, что въ Пушкинскомъ дѣтскомъ саду; ворота въ ней давно уже заложены и не имѣютъ проѣзда. Что такое раскатъ, и гдѣ онъ былъ? По мнѣнію генерала Даниловскаго, издавшаго на русскомъ языкѣ экспликацію плана Гондіуса, съ пояснительными къ нему примѣчаніями, раскатъ, или валгангъ, есть прежде всего та площадка, на которой стоятъ пушки и на ней раскатываются отъ выстрѣловъ. Въ военно-техническомъ значеніи слово „раскатъ" въ XVI в. употреблялось для обозначенія особаго вида наружнаго бастіона, съ поставленными на немъ пушками для защиты, напр., башни съ наружной стороны стѣны. Значитъ, раскатъ былъ особаго рода укрѣпленіе при одной изъ башенъ. Такое укрѣпленіе на западной сторонѣ крѣпости было при той башнѣ, которая была названа потомъ Шейновской, въ честь героя—защитника Смоленска. Въ этой башнѣ съ раскатомъ Шеинъ защищался даже тогда, когда уже Смоленскъ былъ взятъ, весь гарнизонъ былъ перебитъ, и оставалось въ рядахъ бойцовъ лишь нѣсколько десятковъ людей. Теперь эта башня не существуетъ,—на ея мѣстѣ Казанскій проломъ.

Четвертый объѣздчикъ долженъ былъ ѣздить отъ Пятницкихъ большихъ воротъ вверхъ къ раскату по обѣ стороны по направленію къ Ряснѣ, до Копытецкихъ же воротъ. Ближайшая теперь къ Пятницкимъ воротамъ улица, по которой можно подняться на гору, есть Ново-Воскресенская. По ней и долженъ былъ ѣхать этотъ объѣздчикъ. Съ правой стороны была верхне-Пятницкая улица съ протекающимъ ручьемъ. Этотъ ручей и есть Рясна, что увидимъ дальше изъ маршрута 5-го объѣздчика. Послѣдній отъ Пятницкихъ воротъ долженъ былъ ѣздить до Богословской башни, гдѣ теперь проломъ,

выводящій къ Нѣмецкому кладбищу и на Нѣмецкую гору. Вверхъ его путь лежалъ по Ряснѣ, т. е. по теперешней Верхне-Пятницкой улицѣ, гдѣ протекаетъ Пятницкій ручей, а, взъѣхавъ на гору, онъ долженъ былъ спуститься по Отцовской, т. е. по теперешней Казанской горѣ. А что Рясна есть ручей,—это видно изъ одного судебнаго дѣла о покражѣ (№ 107). Пойманный воръ говорилъ предъ судьями: „шолъ-деи онъ Обрамка изъ ямы своей на Рясну, на колодезь, воды провѣдывать, а яма деи ево у попа у Левонтья у Воскресенскаго. И какъ деи онъ, Обрамка, будетъ на Ряснѣ, и къ нему деи на встрѣчю попался тотъ Василей Колоколовъ, а онъ деи Обрамка ево Василя не знаетъ. И онъ деи Василей ево, Обрамка, изымалъ, и ево связалъ и мѣшокъ къ нему съ овсомъ взвезалъ, и привели ево къ разряду напрасно“. Зная, что Рясна имѣла направленіе къ большимъ Пятницкимъ воротамъ, а Абрамка шелъ къ колодцу на Ряснѣ, никто не подумаетъ, что этотъ Абрамка шелъ къ Смолигову колодцу на Родницкій ручей, протекавшій внизу мимо Пятницкихъ водяныхъ воротъ. Еще одинъ документъ (№ 183) съ несомнѣнностью убѣждаетъ, что Рясна есть Пятницкій ручей. У Пятницкихъ воротъ, въ исподнемъ бою, противъ окна, взяли подозрительнаго человѣка. На допросѣ этотъ человѣкъ, Ивашка Чухановъ, оправдывался, что его совсѣмъ напрасно взяли. Шелъ онъ къ себѣ на квартиру, въ домъ пушкаря Бориски Игнатьева, „и какъ будетъ онъ противъ Пятницкихъ воротъ на Ряснѣ, и его деи тѣ люди изымали невѣдома для чего“. Такимъ образомъ я считаю доказаннымъ, что Рясна есть Пятницкій ручей, а Отцовская гора — Казанская.

Теперь перейдемъ къ вопросу, гдѣ во времена Шеина находился въ Смоленскѣ большой торгъ съ лавками и Государевъ житный дворъ. Писаревъ и Орловскій согласно признаютъ, что древнее торжище находилось на Армянской улицѣ и занимало всю эту улицу до

воротъ Крылошевскихъ [1]). Но такое опредѣленіе границъ Торговой площади не совсѣмъ точно. Площадь тянулась и далѣе, по другую сторону отъ Днѣпровскихъ воротъ по Нѣмецкой улицѣ до большихъ Пятницкихъ воротъ, какъ это видно изъ нашихъ документовъ. Одинъ житель Смоленска просилъ у властей сдѣлать распоряженіе объ отводѣ ему двороваго мѣста и указывалъ, гдѣ именно онъ желалъ бы построить свой домъ. Онъ просилъ „измерити полого мѣста въ Пятницкомъ торшку, за лавками, что ходятъ у Водяные ворота по воду и межь пруда и большихъ тюремъ, сколько того полого мѣста въ длину и поперекъ сажень. И Василій Петрыкинъ того полого мѣста дозиралъ и мѣрилъ, что подъ прудкомъ тюремка Ивана Зубова стояла, и мѣра стала отъ прудка до лавокъ къ большой тюрьмѣ пятнадцать сажень, а поперекъ—отъ каменной стѣны, что стоитъ глиняная похопка, до лавокъ къ большой проѣзжей улицѣ—11 сажень, а дозорную память писалъ Сенька Мурашкинъ“ (№ 45). По второй челобитной того же жителя, Смоленскаго яму охотника Изгородина, былъ произведенъ новый обмѣръ просимаго мѣста, и оказалось: „въ Пятницкомъ концѣ, въ торшку, за лавками, что ходятъ въ воденые ворота, въ длину того полого мѣста отъ прудка до лавокъ и до большой проѣзжей улицы, что ѣздятъ въ Пятницкіе ворота—15 сажень, а поперекъ—до городовой стѣны 11 саж., и ис тѣхъ изо 11 сажен отъ городовой стѣны отмѣрено 3 сажени для проѣзду, а осталось 8 саж. поперечнику. Къ сей дозорной памяти Василей Петрыкинъ руку приложилъ“ (№ 47). Сообразимъ теперь данныя этого документа. Мѣсто для постройки отводится въ той части города, которая называлась Пятницкій конецъ. Названіе второй башни отъ Днѣпровскихъ воротъ „Пятницкія водяныя ворота“ показываетъ, что пространство Пятницкаго конца нужно искать отъ указанной башни и далѣе къ западу, по те-

[1]) С. П. Писаревъ. Пам. Кв. стр. 162—164. Орловскій И. И. Достопам Смол. стр. 61.

перешней Нѣмецкой улицѣ и Большой Казанской, поворачивая отсюда въ направленіи Пятницкаго ручья и внизъ, по верхне-Пятницкой, къ пролому, противъ бань Сизова. Далѣе въ документѣ говорится, что отводимое мѣсто находится у самой городской стѣны. Еслибы оно было въ нагорной части Пятницкаго конца, то оно приходилось бы на Отцовской,—т. е. Казанской, горѣ. Но эта гора здѣсь вовсе не упомянута; значитъ, искомое мѣсто стояло гдѣ-то внизу. Упомянутая въ документѣ большая проѣзжая улица къ водянымъ воротамъ есть та, которая шла отъ большихъ Пятницкихъ воротъ къ Фроловскимъ воротамъ,—какъ это видно изъ другого документа, тоже объ отводѣ мѣста. Въ послѣднемъ документѣ (№ 45) изложена просьба одного Смоленскаго обывателя, площаднаго подьячаго Ивашки Бутрина, объ отводѣ ему мѣста возлѣ Пятницкихъ воротъ и „возле известной кучи и возле большой проѣзжей улицы противъ Василева двора Петрыкина". Въ просьбѣ перваго просителя—Изгородина сказано, что просимое имъ мѣсто находится „межъ прудка и большихъ тюремъ"; по длинѣ это мѣсто занимало 15 саженей.

Гдѣ находилась упоминаемая здѣсь тюрьма? Еще и доселѣ то мѣсто, гдѣ теперь помѣщается Ремесленное училище, иногда называется въ народѣ: „у стараго острога". По словамъ Орловскаго, этотъ старый острогъ устроенъ здѣсь при Императрицѣ Екатеринѣ II и покончилъ свое существованіе въ 60 годахъ XVIII в. [1]). Между острогомъ и Ланинской богадѣльней стояла башня „Пятницкія водяныя ворота", взорванная французами въ 1812 г. Сопоставляя данныя изслѣдуемаго нами документа съ положеніемъ позднѣйшей тюрьмы, мы приходимъ къ заключенію, что и во времена Шеина здѣсь была такъ наз. Большая тюрьма. Но документъ указываетъ также, что въ этомъ же мѣстѣ стояли лавки, и что отъ нихъ до стѣны было 11 саженей, а отъ лавокъ до прудка—15 саженей. Какъ же стояли лавки въ отно-

---

[1]) И. И. Орловскій. Смоленская стѣна, стр. 35.

шеніи тюрьмы? Изъ представленныхъ данныхъ очевидно, что лавки стояли по другую сторону улицы, какъ разъ напротивъ тюрьмы, и даже углы обоихъ зданій приходились на одной линіи. Такимъ образомъ древнее Торжище на Армянской улицѣ имѣло продолженіе на Нѣмецкой улицѣ,—по крайней мѣрѣ, вплоть до конца владѣній теперешняго Ремесленнаго училища и нѣсколько дальше [1]).

Переходимъ къ вопросу о Государевомъ житномъ дворѣ. Въ донесеніи царю Алексѣю Михайловичу Смоленскаго воеводы князя Лыкова 1667 года о поправкѣ городовой стѣны говорится, что на Житномъ дворѣ нельзя было выстроить новые хлѣбные амбары за утѣсненіемъ и потому, что этотъ дворъ расположенъ на низкомъ мѣстѣ и близъ городовой стѣны". Въ примѣчаніи къ этому документу И. И. Орловскій объясняетъ, что, по его мнѣнію, житный дворъ находился на Нѣмецкой улицѣ, у Пятницкихъ или Воскресенскихъ воротъ. [2]) Мнѣніе это совершенно правильное, но на основаніи документовъ Шеиновой канцеляріи мы можемъ точнѣе рѣшить этотъ вопросъ. Въ документѣ № 238 находится отрывокъ росписи сбѣжимъ крестьянамъ, которые стоятъ у городской стѣны отъ Крылошевскаго моста до Молоховскихъ воротъ. Дьякъ, писавшій этотъ списокъ, начинаетъ его съ восточной стороны города, по нынѣшней Армянской улицѣ, далѣе по Нѣмецкой и Большой Казанской, при чемъ упоминаетъ и нѣкоторыя встрѣчающіяся на его пути башни. До Житнаго двора стѣнныхъ башенъ не показано ни одной, ибо дьякъ ведетъ свой списокъ „по старой

1) Этотъ большой торгъ, или главный рынокъ, въ нашихъ документахъ ясно отличается отъ меньшихъ торжковъ, бывшихъ въ другихъ мѣстахъ города. Въ документѣ № 66 записано распоряженіе властей, чтобы жители Смоленскіе, по случаю осаднаго времени, вечеромъ съ огнемъ обращались осторожно „и съ лучинами по дворамъ и по улицамъ одноконечно не ходили" Это распоряженіе посадскіе старосты должны были объявить жителямъ чрезъ бирюча, который долженъ былъ „кликати въ большомъ торгу и по малымъ торжкамъ и по кресцомъ не по одинъ день".

2) И. Орловскій. Смоленская стѣна, стр. 96.

стѣнѣ,“ отъ старыхъ Крылошевскихъ воротъ, а начиная съ Пятницкой водяной башни уже обозначаетъ стѣнныя башни каменной стѣны поименно. Житный дворъ упомянутъ у него до Пятницкой водяной башни, т. е. до того мѣста, гдѣ теперь церковь Св. Тихона Задонскаго при Лавинской богадѣльнѣ. Отсюда и опредѣляется, что Житный дворъ стоялъ между Пятницкими водяными воротами и башней Городецкой, т. е. или на мѣстѣ теперешней Лавинской богадѣльни, или еще ближе къ трамвайному пролому и у самой городской стѣны.

Въ упомянутомъ сейчасъ спискѣ сбѣжихъ крестьянъ есть важное указаніе на существованіе въ Смоленскѣ, рядомъ съ новой каменной стѣной, стѣны стараго деревяннаго укрѣпленія. Писаревъ и Орловскій несогласны между собою въ вопросѣ, дѣйствительно ли старая деревянная стѣна сохранилась послѣ построенія Годуновымъ стѣны каменной. Первый говоритъ объ этомъ утвердительно, а второй-отрицательно. Подъ Соборнымъ холмомъ, по мнѣнію Писарева, существовало двѣ улицы: одна около стѣны каменной, а другая шла за деревянной стѣной. 1) По Орловскому, послѣ построенія каменной стѣны, „литовскихъ стѣнъ уже не было, но по привычкѣ названіе Старый деревянный городъ употреблялось. 2) Въ этомъ разногласіи правда на сторонѣ Писарева. Изъ анализа документа № 238 видно, что дьякъ, пиша списокъ сбѣжихъ людей, подвелъ итогъ первой половинѣ взятаго имъ пространства и записалъ такъ: „и всего отъ Крылошевскаго моста по старой по деревянной стѣнѣ по Житный дворъ и у каменой городовой стѣны по Богословскую башню и всего 197 человѣкъ.“ Мы уже знаемъ, гдѣ стоялъ Житный дворъ, а дальше за нимъ, очевидно, подсчетъ людей идетъ въ спискѣ по каменной стѣнѣ. Какой же бы смыслъ имѣло говорить дьяку о старой деревянной стѣнѣ, еслибы ея въ то время уже не существовало, и этимъ вносить только путаницу въ правильное пониманіе своего

1) С. Писаревъ. Памятная книжка, стр. 36.

2) И. Орловскій. Смоленская стѣна, стр. 8.

списка? Кромѣ того, въ спискѣ есть упоминаніе о старой Крылошевской башнѣ, — очевидно, въ отличіе отъ новой, въ каменной стѣнѣ: „да противъ старой Крылошевской башни Өедоровъ крестьянинъ Веснина Ивашка Семеновъ.“ Еслибы этой башни старой на самомъ дѣлѣ не было, а было только пустое мѣсто, то дьякъ выразился бы такъ: „а гдѣ допрежь того Крылошевская башня была“. Есть еще одинъ документъ, изъ котораго видно, что старый деревянный городъ, хотя и приходилъ въ разореніе, но все еще былъ на лицо. Одному Смоленскому обывателю было предъявлено обвиненіе въ похищеніи бревна съ деревяннаго города. Обвиняемый утверждалъ, что онъ купилъ бревно у Ивашки Медвѣдникова, а послѣдній доказалъ, что бревно дѣйствительно ему продано изъ числа тѣхъ, что отецъ его въ 160 г., сообща съ другими 15 человѣками, купили 2 городни старой деревянной стѣны, и на долю Максимки досталось бревенъ 30 (№ 90).

Выше мы сказали, что документы Шеиновой канцеляріи даютъ нѣсколько новыхъ данныхъ о Смоленскихъ церквахъ. Прежде чѣмъ говорить о неизвѣстныхъ доселѣ церквахъ, скажемъ попутно о двухъ церквахъ, мѣстоположеніе которыхъ спорно, но опредѣляется на основаніи только что указаннаго № 238. Главныя ворота Смоленской стѣны, названныя на планѣ Гондіуса Porta Regia, суть ворота Фроловскія, гдѣ теперь Богоматерская церковь надъ бывшими воротами.—Смоленскіе историки совершенно справедливо объясняютъ ихъ названіе отъ церкви Фрола и Лавра, гдѣ-то вблизи здѣсь стоявшей. „Подъ Соборнымъ холмомъ, — говоритъ Писаревъ, — издавна существовала церковь св. Фрола и Лавра, поставлявшаяся, какъ обычно было въ старину, на площади, именно конной, ибо эти святые считались покровителями коней. [1]) Орловскій повторяетъ мнѣніе Писарева. [2]) Г. К. Бугославскій въ своей пояснительной статьѣ къ виду Смоленска 1711 года на иконѣ преп. Авраамія и мученика

[1]) Писаревъ. Памятная книжка, стр. 162

[2]) Орловскій. Достопамятности Смоленска, стр. 42.

Меркурія Смоленскихъ, въ церкви села Сверчкова, мѣстонахожденіе Фроловской церкви призналъ по лѣвую сторону отъ Днѣпровскихъ воротъ, по въѣздѣ въ нихъ отъ Днѣпровскаго моста. Объ этомъ видѣ Смоленска на Сверчковской иконѣ у насъ и будетъ теперь нарочитая рѣчь.

Что эта икона первоначально написана для стараго деревяннаго Богоявленскаго собора, ко времени его освященія въ 1712 году, - это не подлежитъ сомнѣнію; но объясненіе изображенныхъ на этой иконѣ церквей и другихъ зданій, какъ оно предложено Бугославскимъ, нуждается въ поправкахъ. Въ центрѣ иконы изображенъ только что построенный Богоявленскій соборъ и колокольня, отдѣльно стоящая отъ него. Но что за церковь позади него? Бугославскій думаетъ, что это - Одигитріевская церковь, а Орловскій,—что Троицкій монастырь. То и другое объясненіе невѣрны. Если художникъ въ самомъ центрѣ своего рисунка желалъ помѣстить Богоявленскій соборъ, то неужели онъ могъ забыть про существованіе на Соборной горѣ Предтечевской церкви, освященной въ 1703 г. и бывшей въ теченіе 9 лѣтъ архіерейской и соборною церковью? Конечно, нѣтъ. Предтечевскій соборъ, а не что иное изобразилъ художникъ повыше Богоявленскаго собора. Противъ Богоявленскаго собора на рисункѣ стоитъ какое то зданіе съ башней. Это, по мнѣнію Бугославскаго и Орловскаго, старый Магистратъ. Зданіе городской ратуши дѣйствительно построено въ Смоленскѣ королемъ Сигизмундомъ III, на мѣстѣ теперешней Маріинской женской гимназіи; но, по завоеваніи города царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, оно было занято подъ Приказную избу, которая помѣщалась здѣсь до 1718 года, а въ этомъ году сюда переведенъ городской магистратъ. Гдѣ же магистратъ находился до 1718 года? По сообщенію священника Мурзакевича, городской магистратъ, сгорѣвшій въ ночь на 5 Ноября 1812 г. со всѣми бумагами, помѣщался въ 1812 г. на углу Одигитріевской и Благовѣщенской ул., гдѣ теперь Собраніе Купеческаго Общества. На этомъ именно мѣ-

стѣ и виднѣется на рисункѣ какое-то довольно большое зданіе, увѣнчанное особенной формы шпицемъ. Такимъ образомъ это послѣднее зданіе не есть Государевъ дворъ, какъ думаетъ Орловскій, и не воеводскій домъ, какъ предполагаетъ Бугославскій.

Остающаяся необъясненною на рисункѣ церковь налѣво отъ Днѣпровскихъ воротъ не есть также церковь Фрола и Лавра, а безспорно Благовѣщенская. Художникъ помѣстилъ ее въ самомъ низу рисунка, чтобы видомъ этой церкви не загородить центральной фигуры - Богоявленскаго собора; во-вторыхъ, даже при первомъ взглядѣ на рисунокъ ясно, что въ немъ перспектива соблюдается плохо, и набросанъ онъ схематически. Итакъ церкви Фрола и Лавра около Днѣпровскихъ воротъ не было. С. П Писаревъ правъ, отыскивая ее въ предѣлахъ древняго Торжища, но находилась она не подъ соборнымъ холмомъ, а на другомъ концѣ Торжища, за Никольской башней. Это ясно изъ тогоже документа № 238, который мы уже не разъ цитировали. Тамъ сказано: „за Никольской башней, у Фрола и Лавра, дворцовой Крохоткинской волости крестьяне: Павликъ, Мишка Ивановъ, Ѳролко Андреевъ.“ Никольская башня, взорванная французами въ 1812 г., стояла на половинѣ Казанской горы, гдѣ оканчивается уцѣлѣвшая донынѣ часть крѣпостной стѣны. Такимъ образомъ церковь Фроловская, стоявшая за Никольской башней, помѣщалась на Казанской горѣ, приблизительно противъ усадьбы теперешняго дома г. Волладко.

Другая церковь въ предѣлахъ бывшаго Торжища, тоже возбуждающая споръ Смоленскихъ историковъ, есть церковь Бориса и Глѣба. Впервые существованіе этой церкви въ городѣ, и отдѣльно отъ Борисоглѣбскаго монастыря на Смядыни, открылъ Г. К. Бугославскій. Онъ же опредѣлилъ и мѣстонахожденіе ея: между Днѣпровскими воротами и трамвайнымъ проломомъ, съ одной стороны, и домами Лисовскаго и Григорьева — съ другой. [1]

---

1) **Смоленская Старина, вып. 1, стр. 119.**

Въ документѣ № 238 упоминается не самая церковь Бориса и Глѣба, а дворъ, ей принадлежащій: „у Городской башни: Архангельскаго двора крестьяне: Офонка Ивановъ, Жданка Мартиновъ и другіе, да на Борисоглѣбскомъ дворѣ крестьяне: Зиновка Мосѣевъ, да Исачка Ивановъ и др." Такъ какъ дворъ Борисоглѣбской церкви въ документахъ показанъ недалеко отъ Городенской башни и у самой стѣны, то возможно предполагать, что церковь св. Бориса и Глѣба стояла между башней Городенской и Фроловскими воротами, саженяхъ въ 3 отъ стѣны, недалеко отъ того мѣста, гдѣ теперь входъ въ Богоматерскую церковь. Борисоглѣбская церковь видна на планѣ Смоленска 1626 г. на правой сторонѣ отъ Днѣпровскихъ воротъ, если ѣхать чрезъ нихъ съ Днѣпровскаго моста.

Чтобы покончить съ сѣверной стороной стѣны, намъ остается рѣшить вопросъ, гдѣ стояла церковь во имя Ярославскихъ чудотворцевъ: Князя Ѳедора съ чадами его. Доселѣ эта церковь была совершенно неизвѣстна смоленскимъ историкамъ. Впервые мы о ней узнаемъ изъ документовъ Шейновской Приказной избы. Здѣсь есть только два указанія на нее, да и то очень неопредѣленныя. Въ документѣ № 238, вслѣдъ за перечисленіемъ крестьянъ, живущихъ противъ Житнаго двора, перечисляются сбѣжіе люди „у Архангельскихъ поповъ, что у Ярославскихъ чудотворцевъ, во дворѣ." Далѣе по порядку идетъ перечень людей возлѣ Пятницкихъ водяныхъ воротъ. Отсюда мы можемъ заключить, что эта церковь стояла очень недалеко отъ поименованной башни, и всего вѣроятнѣе, - возлѣ Родницкаго ручья, протекавшаго мимо башни „Пятницкія водяныя ворота". Мы уже видѣли, что здѣсь стояла большая тюрьма. Но извѣстно также, что, когда сооружалось теперешнее Ремесленное училище, то на этомъ мѣстѣ было открыто обширное древнее кладбище, при которомъ, по предположенію Писарева, стояла церковь. Въ другомъ документѣ, № 46, содержится распросная запись рѣчей пойманнаго лазутчика изъ польскаго

лагеря: поймали „литвина за рѣчкой, за Ярославскими Чудотворцами.“ Какая здѣсь разумѣется рѣчка, и въ какой части города? Названіе Пятницкаго ручья Рясной показываетъ, что этотъ ручей былъ болѣе многоводнымъ, чѣмъ теперь, а потому въ началѣ XVII вѣка смоляне были склонны считать его небольшой рѣчкой, подобно Гуриловкѣ. За этимъ именно ручьемъ, по направленію къ Пятницкимъ воротамъ, и стояла церковь Ярославскихъ чудотворцевъ, что опять таки приводитъ насъ къ другому ручью—Родницкому. Такимъ образомъ предположеніе С. П. Писарева, что на этомъ мѣстѣ стоялъ *Пятницкій монастырь*, невѣрно. [1])

За городской стѣной, противъ Никольской башни, по Богословской улицѣ, сейчасъ за мостикомъ у дома Панова, стояла въ описываемое время церковь св. Николы Лѣтѣлаго. Она извѣстна съ конца XV вѣка. Эта церковь въ нашихъ документахъ упоминается только одинъ разъ (№ 75). Положеніе ея Писаревымъ и Орловскимъ опредѣлено совершенно вѣрно, но я хочу обратить вниманіе на ея названіе. Писаревъ напрасно именованіе „Никола Полѣтѣлый“ превратилъ въ „Полутѣлый“ съ тѣмъ значеніемъ, якобы церковь была въ честь образа Св. Николая, пишемаго на иконахъ до пояса. Слова: „Никола Полѣтѣлый“ и Лѣтѣлый“ означаютъ одно и тоже: праздникъ Святителя Николая 9 мая, въ честь перенесенія его мощей, въ отличіе отъ праздника 6 Декабря, который назывался „Никола Зимній.“ Въ XVI вѣкѣ въ Вильнѣ была одна церковь въ честь перенесенія мощей Св. Николая, но называлась она не такъ, какъ въ Смоленскѣ, а Николо-Перенесенская. Очевидно, что второе названіе западно-русское, а первое велико-русское.

Въ предѣлахъ такъ называемой Воскресенской сотни въ нашихъ документахъ упомянуты слѣдующія пять церквей: Богородицы Гончарской, Воскресенская, Троицкая, Ильинская и Пятницкій монастырь. О каждой изъ

---

1) Писаревъ. Памятная книга г. Смоленска, стр. 150—151.

нихъ мы скажемъ отдѣльно, въ виду того, что однѣ извѣстны, а другія или малоизвѣстны, или доселѣ совсѣмъ неизвѣстны. Церковь Богородицы Гончарской, на основаніи данныхъ въ документахъ указаній, можетъ быть опредѣлена лишь предположительно. № 234 заключаетъ въ себѣ „списокъ посадскихъ людей Воскресенской сотни, которымъ быти для осаднаго времени съ самопалы и съ копьи и съ бердыши и съ топорки и со всякими бои". Начало этого списка оборвано, поэтому мы не знаемъ, съ какого именно пункта онъ начинается. Судя потому, что почти въ началѣ списка упомянутъ дворникъ со двора Василія Петрыкина, домъ котораго находился за лавками въ Пятницкомъ концѣ, перечисленіе списка идетъ снизу, по Нѣмецкой улицѣ. Въ спискѣ вооруженные жители были подѣлены на десятки и поставлены подъ начальство десятниковъ, а десятники подчинялись пятидесятникамъ и сотникамъ. Такимъ образомъ Воскресенская сотня, какъ сѣверо-западная часть города, была раздѣлена въ военномъ отношеніи на нѣсколько сотенъ. Среди перечисляемыхъ обывателей этой части города мы встрѣчаемъ „Гончарскаго попа сына Ѳедька", который долженъ былъ вооружиться копьемъ. „Въ Семеновомъ, Семухина, дворѣ дворникъ Самсынко гончаръ на церковномъ, на гончарскомъ мѣстѣ живетъ"; ему велѣно быть въ нарядѣ съ копьемъ. Затѣмъ упомянуты еще два лица, живущіе на землѣ Богородице-Гончарской церкви. Далѣе роспись переходитъ на Воскресенскую гору, къ Воскресенской церкви, и отмѣчаетъ, что Воскресенскаго попа Володка Лаврентьевъ обязанъ былъ явиться съ самопаломъ. Такимъ образомъ церковь Богородицы Гончарской должна была находиться гдѣ-то въ предѣлахъ Пятницкаго конца. Ея священникъ, попъ Борисъ, фигурируетъ въ другомъ документѣ, какъ понятой по дѣлу о кражѣ. На допросѣ обвиняемый сказалъ, что живетъ онъ у Воскресенскаго попа Леонтія въ ямѣ т. е. въ земляной избѣ (№ 107). Ясно, что Воскресенскій и Гончарскій священники были сосѣди по приходамъ.

Всего естественнѣе искать Богородице-Гончарскую церковь въ томъ мѣстѣ, гдѣ и теперь въ западной части города стоитъ Богородицкая церковь, т. е. на Казанской горѣ, и называется Казанскою.

Церковь, которая на планѣ Гондіуса отмѣчена стоящею на Казанской горѣ, С. П. Писаревъ считаетъ католическимъ костеломъ по тому соображенію, что на бывшемъ кладбищѣ Казанской церкви были находимы кресты съ латинскими надписями [1]). Охотно согласимся съ мнѣніемъ С. П. Писарева, что въ польскую эпоху мѣстомъ Казанской церкви завладѣли католики и выстроили здѣсь свой костелъ, но очевидно также и то, что костелъ этотъ возникъ не на совершенно пустомъ мѣстѣ, а на прежнемъ церковищѣ. Иначе чѣмъ объяснить, что со времени завоеванія города царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ здѣсь опять является Казанская церковь, какъ не тѣмъ, что это мѣсто изстари было занято Богородицкимъ храмомъ, подъ названіемъ Богородицы Гончарской, а подъ этимъ названіемъ, вѣроятно, скрывается подлинное названіе храма Богородицы Казанской? На планѣ 1626 г. этой церкви нѣтъ, но она, какъ деревянная, могла легко сгорѣть, тѣмъ болѣе, что самые послѣдніе моменты Смоленскаго штурма 3 іюня 1611 года происходили возлѣ этой церкви и у Шеиновской башни, стоявшей противъ этой церкви.

Чтобы покончить съ обозрѣніемъ церквей бывшаго Пятницкаго конца, остается упомянуть о Пятницкомъ монастырѣ. Монастырь этотъ былъ женскій и имѣлъ двѣ церкви: теплую и холодную. На планѣ 1626 года и Гондіуса виденъ только одинъ храмъ; возможно, что теплая церковь находилась не въ отдѣльномъ зданіи, а въ пристройкѣ къ главному храму. Со времени царя Алексѣя Михайловича онъ окончательно запустѣлъ и больше не возстановлялся. Въ нашихъ документахъ есть неоднократное о немъ упоминаніе, но нѣтъ ни одного признака, который ясно указывалъ бы на его мѣстоположеніе.

---

[1]) Писаревъ. Княжеская мѣстность и храмъ князей, стр. 200.

Всетаки его мѣстонахожденіе правильнѣе опредѣлено у Орловскаго, чѣмъ у Писарева, именно въ юго-западномъ углу сада, что принадлежитъ бывшему Дворянскому пансіону. Здѣсь еще недавно видны были груды щебня и кирпича размѣромъ по толщинѣ до $4^{1/2}$ вершковъ, т. е. Литовской уже эпохи.

Выше Пятницкаго монастыря и ближе къ Королевской крѣпости на планѣ Гондіуса виднѣется церковь, которую нужно признать за Ильинскую. И въ XVII в. мимо этой церкви, по направленію къ Губернаторскому пролому, проходила Ильинская улица, что выяснится нѣсколько дальше. Промѣръ разстоянія этой церкви отъ Копытецкихъ воротъ и Королевской крѣпости показываетъ, что, по принятому на планѣ Гондіуса масштабу: въ рейнландскомъ дюймѣ 98 саженей, отъ указанныхъ пунктовъ до церкви будетъ такое разстояніе: отъ перваго пункта—112 с. и отъ второго—84 саж. Но, такъ какъ рейнландскій дюймъ длиннѣе на 1/4 теперешняго англійскаго,—то, полагая въ этомъ послѣднемъ 100 саж., получимъ, что отъ Копытецкихъ воротъ искомая церковь въ настоящее время отстоитъ на 140 саженей, и отъ Королевской крѣпости—на 105 саж. Прикидывая указанную мѣру на планѣ Смоленска, приложенномъ къ Памятн. кн. Писарева (здѣсь англ. дюймъ—100 саж.), какъ разъ найдемъ тотъ пунктъ, гдѣ теперь стоитъ Ильинская церковь. Итакъ теперешняя Ильинская церковь на своемъ стародавнемъ мѣстѣ. Въ одномъ документѣ упоминается, что гдѣ то рядомъ съ Ильинской пролегала Богоявленская улица. Въ № 168 нашихъ документовъ излагается судебный допросъ по дѣлу о похищеніи невѣсткою имущества у родственниковъ умершаго мужа. Отвѣтчикъ, Демешка Павловъ, „слался изъ виноватыхъ (т. е. оправдывался) въ обыскѣ около Иванова житья Ивашенина съ братею на Ильинскую улицу и Богоявленскую улицу, по обѣ стороны на посадскихъ на всякихъ людей и на ихъ женъ, опричь его, Ивана Ивашенина, роду—племени“. Изъ дѣла видно, что въ

116, т. е. 1608 году, истцы и отвѣтчица жили въ городѣ Смоленскѣ (т. е. въ крѣпости) у пушкаря Сергѣя Бохонова. Значитъ, здѣсь рѣчь идетъ не о заднѣпровской части города, гдѣ также была церковь Ильинская, около Ильинскаго ручья. Взглянувъ на планъ Гондіуса, увидимъ, что отъ Ильинской церкви до Королевской крѣпости и далѣе до Копытецкихъ воротъ тянется огромная площадь, ничѣмъ не занятая, за исключеніемъ какихъ то длинныхъ сараевъ. Но эта площадь едва-ли при Шеинѣ была такою пустынною. Мы знаемъ, что со времени Сигизмунда III городская торговля была перетянута отъ Днѣпровскихъ воротъ на верхъ, на Сѣнную площадь. Кромѣ того поляки обратили особенное вниманіе на Королевскій бастіонъ, который названъ у Гондіуса Fortalitium Sigismundanum, Сигизмундовскою крѣпостью. Ясно, что это укрѣпленіе въ глазахъ поляковъ имѣло особенную важность и даже разсматривалось, какъ крѣпость въ крѣпости, т. е. цитадель. Такъ она и называется въ позднѣйшихъ документахъ. Понятно, поэтому, что Сигизмундъ III, отдавая приказъ распланировать Смоленскъ по новому плану и уничтожить въ городѣ часть внутренняго стариннаго вала, не могъ позволить жителямъ селиться около Королевской крѣпости и оставилъ здѣсь огромную площадь для военныхъ надобностей. По этой причинѣ пролегавшія здѣсь прежде улицы должны были исчезнуть и, между прочимъ, та, которая отъ прямой Ильинской улицы вела къ Копытецкимъ воротамъ. Припомнимъ также, что только черезъ эти ворота цѣлая 1/4 города могла имѣть сообщеніе съ загородными частями. Если, такимъ образомъ, въ досигизмундовскую эпоху Ильинская площадь была заселена домами обывателей, въ чемъ едва ли можно сомнѣваться, то должна была проходить здѣсь улица къ Копытецкимъ воротамъ или перпендикулярно къ Ильинской, какъ теперь Королевская, или подъ угломъ, отъ церкви Ильинской, и эта улица звалась Богоявленской. Ея названіе ясно говоритъ за то, что на ней стоялъ храмъ во имя

Богоявленія Господня и, всего вѣроятнѣе, недалеко отъ Копытецкихъ воротъ. Мѣстонахожденіе этой церкви приблизительно можно указать или въ Пушкинскомъ дѣтскомъ саду, или на мѣстѣ зданій, примыкающихъ къ нему со стороны Королевской улицы. Въ вышеуказанномъ документѣ № 168 упоминается, какъ свидѣтель, Богоявленскій попъ Семенъ.

Лѣвѣе Ильинской церкви, въ направленіи теперешней Вознесенской горы, на планѣ Гондіуса стоитъ какая то большая церковь. Писаревъ и Орловскій принимаютъ ее за Вознесенскій монастырь, но это ихъ мнѣніе ошибочно. Примѣнивъ и къ этой церкви тотъ же методъ измѣренія разстояній отъ этой церкви до Копытецкихъ воротъ и Королевской крѣпости, мы найдемъ на современномъ планѣ тотъ пунктъ, гдѣ она стояла. Отъ Королевской крѣпости она отстоитъ на 167 саж. по масштабу Гондіуса, а по масштабу 100 саженей въ англійскомъ дюймѣ,—на 208 саж.; отъ Копытецкихъ воротъ по масштабу Гондіуса на 206 саж., а по принятому нами масштабу—на 252 саж. Отмѣряя это разстояніе на планѣ Писарева, мы и увидимъ, что обѣ линіи сходятся подъ угломъ и упираются въ Вознесенскую улицу, въ то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ новое зданіе Епархіальнаго женскаго училища, на самомъ гребнѣ Воскресенской горы. На планѣ Гондіуса за этой церковью къ востоку показанъ ровъ, отграничивающій Воскресенскую гору отъ Вознесенской; онъ и сейчасъ хорошо виденъ на западной сторонѣ каменной ограды Вознесенскаго монастыря. Итакъ эта церковь—не Вознесенскій монастырь. Какая это церковь,—опредѣляется изъ Ружной записи 1598 г., гдѣ сказано: „къ церкви Живоначальныя Троицы, что на Воскресенской горѣ, попу девять чети ржи да девять чети овса, да на просфоры семъ чети съ осминою ржи“ [1]). Въ нашихъ документахъ не упоминается ни самая Троицкая церковь, ни члены ея причта,—быть можетъ, потому, что списки духовныхъ лицъ, живущихъ въ Смо-

1) Смоленская Старина, вып. 1, ч. 2, стр. 31.

ленскѣ въ осадное время, не дошли до насъ сполна, а лишь въ отрывкахъ. Тѣмъ не менѣе въ нашихъ документахъ (№ 234) показанъ „Троецкаго двора дворникъ въ саду на Воскресенской горѣ", и долженъ былъ онъ имѣть копье. Этотъ садъ Троицкаго двора хорошо виденъ на планѣ 1626 г. выше какого-то громаднаго зданія, стоящаго на мѣстѣ теперешней Воскресенской церкви.

Это зданіе Писаревъ и Орловскій принимали за Государевъ домъ, стоящій на Вознесенской улицѣ, противъ такъ называемаго Кондыревскаго дома. Но это сужденіе основано на неправильномъ пониманіи плана 1626 года. Путемъ сравнительныхъ измѣреній намъ удалось открыть, что планъ этотъ сдѣланъ въ масштабѣ въ 3 раза меньшемъ, чѣмъ планъ Гондіуса, т. е., если у Гондіуса въ рейнландскомъ дюймѣ 97$^{1/3}$ саженей, то въ томъ же дюймѣ плана 1626 г. — 282 сажени. Измѣряя по этому масштабу разстояніе отъ Ильинской церкви до башнеподобнаго зданія на планѣ 1626 г., получимъ 93 сажени, которыя по масштабу въ англійскомъ дюймѣ 100 саж., будутъ равняться 223$^{1/2}$ саженямъ. Отмѣривъ это послѣднее разстояніе отъ Ильинской церкви по направленію къ Воскресенской горѣ, мы какъ разъ подойдемъ на планѣ Писарева къ оградѣ Воскресенской церкви. Такимъ образомъ башнеобразное зданіе есть полуразрушенный остовъ Воскресенской церкви. Ея уже не видно на планѣ Гондіуса. Другая церковь (какъ бы взамѣнъ прежней Воскресенской), поставленная у Гондіуса на вершинѣ Воскресенской горы, безъ сомнѣнія, выстроена не на совершенно новомъ мѣстѣ, а на церковной бывшей Троицкой церкви, но и эта, построенная въ польскую эпоху, гибнетъ въ осаду 1654 года. Такъ какъ въ городѣ былъ уже Троицкій монастырь, то при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ не сочли нужнымъ возстановлять прежнюю Троицкую церковь, а возстановили Воскресенскую. Въ польскую эпоху церковь, показанная у Гондіуса на Воскресенской горѣ, была, всего вѣроятнѣе, католическимъ костеломъ, какъ увидимъ далѣе.

По сосѣдству съ Воскресенской горой стоитъ гора Вознесенская, въ старину называвшаяся Васильевскою. Въ нашихъ документахъ она именуется своимъ древнимъ названіемъ, что очень характерно. Намъ кажется совершенно вѣрнымъ мнѣніе С. П. Писарева, что до 60-хъ годовъ XVII вѣка на Вознесенской горѣ не было никакого монастыря, и что онъ возникъ здѣсь по замыслу и по распоряженію царя Алексѣя Михайловича, на мѣстѣ іезуитскаго кляштора, въ память завоеванія Смоленска у поляковъ [1]). Въ нашихъ документахъ никакого упоминанія о Вознесенскомъ монастырѣ нѣтъ. Въ ружной записи 1598 г. указана Срѣтенская церковь, мѣстонахожденіе которой выяснится дальше. То обстоятельство, что до 1812 года въ Вознесенскомъ монастырѣ существовала Срѣтенская церковь, такъ называемая больничная, построенная въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка, позволяетъ догадываться, что эта Срѣтенская церкоаь построена въ воспоминаніе о болѣе древней, здѣсь или по близости стоявшей. Срѣтенская церковь едва ли уцѣлѣла во время осады Смоленска 1611 года: ея не видно ни на планѣ 1626 г., ни у Гондіуса. Какъ видно изъ одного документа, въ 1633 г. іезуиты торжественно приняли у себя короля Владислава, послѣ того, какъ ему удалось прорваться въ осажденный Шеинымъ Смоленскъ, и въ своей церкви воспѣли „Te Deum“ въ благодарность за удачу короля [1]). Въ этомъ документѣ не указано, гдѣ была іезуитская церковь: въ ихнемъ-ли коллегіумѣ, какъ домовая церковь (капелла) или же эта церковь была отдѣльнымъ отъ коллегіума зданіемъ. Весьма вѣроятнымъ кажется, что церковное зданіе, стоящее на планѣ Гондіуса на вершинѣ Воскресенской горы,—зданіе, явившееся здѣсь въ польскую эпоху на мѣстѣ прежней Троицкой церкви,—было католическимъ костеломъ и принадлежало іезуитамъ, имѣвшимъ въ городѣ владѣнія не только въ моедѣлахъ Вознесенской горы, но и Воскресенской, а, нажетъ быть - даже и Пятницкаго ручья. Къ сожалѣнію,

[1]) Писаревъ. Памятная кн., стр. 138.

[1]) Рус. Истор. Библ. т.

намъ неизвѣстна привиллегія, данная королемъ Сигизмундомъ III іезуитамъ на владѣнія городскими пляцами, почему и затруднительно съ увѣренностью опредѣлить размѣръ ихъ владѣній въ городѣ [1]). Іезуитскій каменный коллегіумъ на планѣ Гондіуса ясно виденъ на Вознесенской горѣ, какъ самое значительное здѣсь зданіе, въ два или болѣе этажа; рядомъ съ нимъ стоитъ одноэтажное зданіе, довольно скромныхъ размѣровъ. Сосѣдство древней Срѣтенской церкви съ Вознесенской горой подтверждается недавно уничтоженнымъ кладбищемъ, на углу Б. Благовѣщенской и М. Вознесенской, гдѣ теперь домъ Г. П. Павлова. Это кладбище принадлежало нѣкогда Троицкому монастырю. Но Троицкій въ городѣ монастырь возникъ лишь въ польскую эпоху, и поэтому весьма вѣроятно, что онъ владѣлъ указаннымъ кладбищемъ по наслѣдству отъ другой какой-либо церкви, вблизи кладбища стоявшей. Мы думаемъ, что эта церковь была Срѣтенская, мѣстоположеніе которой, по вышеуказаннымъ признакамъ, нельзя далеко отодвигать отъ Васильевской горы. Жители этой горы и были ея прихожанами, до построенія здѣсь новаго Вознесенскаго монастыря.

На сосѣдней съ Вознесенской горой улицѣ, Рѣзницкой, въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка г. Трофимовскій видѣлъ остатки какого то обширнаго храма, стоявшаго какъ разъ противъ Архіерейскаго дома. Какой это былъ храмъ,—Трофимовскій не рѣшается сказать, но замѣчаетъ, что въ немъ кирпичъ такой же плиткообразный, какъ и въ другихъ старинныхъ Смоленскихъ церквахъ, и одинаковой съ ними кладки. Ниже по той же улицѣ, приблизительно около дома Щекотова, преданіе указывало жилище Св. Меркурія Смоленскаго [2]). Въ нашихъ документахъ упоминается Меркурьевскій попъ Семенъ, но гдѣ находилась его церковь,—нѣтъ указаній.

[1]) Приведенная въ сочиненіи П. Я. Строганова „Бизюковъ монастырь" привиллегія 1625 года іезуитамъ на основаніе въ Смоленскѣ при коллегіумѣ бурсы ничего не говоритъ о томъ, сколько именно земли отдано во владѣніе іезуитамъ въ городѣ. (См. приложеніе № 6).

[2]) Историко-статистическое описаніе Смоленской епархіи, стр. 231.

Возможно, что была въ Смоленскѣ церковь Меркурьевская, но это голословное предположеніе пока ничѣмъ не можетъ быть подтверждено. Въ ружной записи 1598 г. отмѣчено, что при церкви св. Амвросія былъ придѣлъ въ честь св. Меркурія, и что на этотъ придѣлъ выдавалась особая руга. Въ той же записи обращаетъ на себя вниманіе, что въ другой придѣлъ муч. Мануила, Савелія и Измаила дается руга наибольшаго размѣра сравнительно съ прочими приходскими церквами. Думается, что придѣлъ въ этой Амвросіевской церкви, а, можетъ быть, и самая церковь созданы усердіемъ царицы Ирины Ѳеодоровны, и что имена святыхъ 2 придѣла имѣли какое-либо отношеніе къ именамъ родственниковъ царицы. Пусть и это предположеніе голословно; однако невольно при этомъ мысль изслѣдователя обращается къ развалинамъ обширнаго храма на Рѣзницкой улицѣ, недалеко отъ предполагаемаго жилища св. Меркурія. Не здѣсь ли была выстроена древнѣйшая церковь въ честь Смоленскаго святого, которая потомъ превратилась въ огромный храмъ съ 2 придѣлами?

И. И. Орловскій пытался доказать, что церковь Амвросіевская съ указанными придѣлами стояла на Соборной горѣ, — на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Богоявленскій соборъ. Основанія для такого мнѣнія слѣдующія. Во 1, въ теперешнемъ Богоявленскомъ соборѣ есть придѣлъ св. Меркурія [1]). Во 2, наши епископы имѣли обыкновеніе строить вблизи своего мѣстожительства или на немъ храмы въ честь тезоименитыхъ имъ святыхъ, а потому возможно предполагать, что первый Смоленскій епископъ Мануилъ, до устройства Мономахова собора, служилъ въ построенной имъ церкви св. Мануила. Впослѣдствіи на ея мѣстѣ была устроена новая церковь во имя св. Амвросія, при которой, въ воспоминаніе о древнѣйшей церкви, сдѣлали придѣлъ св. Мануила, а въ память подвига св. Меркурія Смоленскаго, мощи котораго лежали въ Успенскомъ соборѣ, придѣлъ его имени. Во второй поло-

[1]) Но придѣлъ этого имени есть также и въ Нижне-Николаевской церкви.

винѣ XVII вѣка на мѣстѣ Амвросіевской церкви явилась церковь Богоявленская (уп. 1697 г.), въ придѣлахъ которой уже не сохранилось памяти о древнѣйшей церкви Мануила, а только о болѣе позднемъ придѣлѣ св. Меркурія [1]). Во всей этой аргументаціи ни одно положеніе не является доказаннымъ. О церкви св. Мануила на Соборной горѣ нѣтъ никакихъ упоминаній въ историческихъ источникахъ. Имѣлъ ли деревянный Богоявленскій соборъ придѣлъ св. Меркурія, неизвѣстно, а что касается этого придѣла въ теперешнемъ Успенскомъ соборѣ, то въ сооруженномъ епископомъ Парѳеніемъ соборѣ придѣла св. Меркурія не было устроено; онъ явился здѣсь въ 1849 г., при епископѣ Тимоѳеѣ Кетлеровѣ. Затѣмъ странно, что при Амвросіевской церкви, если только она была на Соборной горѣ, показанъ въ Ружной записи многочисленный причтъ (4 священника), тогда какъ мы знаемъ, что во времена Шеина соборный причтъ былъ еще больше; въ немъ числилось: 1 протопопъ, 6 священниковъ, 1 протодіаконъ и пять діаконовъ. Неужели столь многочисленный причтъ не могъ бы справиться съ своими обязанностями, если бы церковь Амвросія стояла на соборномъ холмѣ и была подвѣдома собору? Кромѣ того мы придаемъ полное довѣріе предположенію Писарева, что въ Мономаховомъ соборѣ, гдѣ лежали св. мощи Меркурія, былъ придѣлъ въ честь этого святого, именно, на верху—на хорахъ. По всѣмъ вышеуказаннымъ соображеніямъ, мы рѣшительно вынуждаемся отвергнуть предположеніе о нахожденіи Амвросіевской церкви на Соборной горѣ. Если только Смоленское преданіе вѣрно указывало жилище св. Меркурія на Рѣзницкой улицѣ, то сооруженіе здѣсь церкви въ честь прославленнаго чудесами защитника Смоленска было дѣломъ вполнѣ натуральнымъ. Въ неизвѣстное намъ болѣе позднее время, когда Меркуріевскій храмъ пришелъ въ разрушеніе, на егомѣстѣ рѣшили построить

---

[1]) Ст. Орловскаго въ Смоленской Старинѣ, вып. 1, ч. 1, стр. 212, прим. 2.

большую церковь (св. Амвросія) съ двумя придѣлами, и изъ нихъ одинъ—въ честь св. Меркурія.

Теперь перейдемъ на восточную сторону города. На планѣ Гондіуса повыше рынка обозначена какая-то церковь; на этомъ мѣстѣ теперь стоитъ церковь Одигитріевская. Давно ли здѣсь устроена эта церковь? И. И. Орловскій полагаетъ, что Одигитріевская церковь устроена въ 1455 году, въ память перенесенія изъ Москвы чудотворнаго образа Одигитріи Смоленской епископомъ Мисаиломъ, хотя и не указываетъ основаній своего мнѣнія. Совершенно вѣрно, что праздникъ 28 іюля былъ установленъ въ Смоленскѣ въ честь указаннаго перенесенія, но, чтобы и церковь была устроена тогда же,—объ этомъ можно говорить только гадательно. На планѣ 1626 года Одигитріевской церкви не показано, но она есть на планѣ Гондіуса; значитъ, на мѣстѣ бывшей здѣсь прежде построена новая церковь позже, между 1626 и 1634 годами. Въ то время она уже, безъ сомнѣнія, не была православною церковью, а вѣрнѣе—уніатскою и едва ли называлась Одигитріевскою. Обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Въ своемъ рукописномъ „Историческомъ изслѣдованіи о первописанной иконѣ Пресвятыя Богородицы Одигитріи“ священникъ Никифоръ Адріановичъ Мурзакевичъ разсказываетъ, что, по взятіи города Смоленска царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ въ 1655 г., Одигитріевская чудотворная икона, 26 сентября, была поставлена въ деревянной церкви, что на Верхнемъ рынкѣ, и тутъ же указываетъ причину поставленія чудотворной иконы въ этомъ храмѣ: „такъ какъ соборъ, устроенный Мономахомъ, былъ взорванъ, а на томъ мѣстѣ устроенъ былъ бископскій костелъ“. Позднѣе, въ память пребыванія иконы въ деревянной на Верхнемъ рынкѣ церкви былъ установленъ крестный ходъ 26 сентября. Кромѣ того два священника этой церкви получили ругу и денежное жалованье, по царской грамотѣ [2]).

[2]) Означ. рук. свящ. Н. Мурзакевича изъ нашей библіотеки.

Весь этотъ разсказъ Мурзакевича, безъ сомнѣнія, въ основѣ своей вѣренъ, но въ немъ есть предвзятое заключеніе, что уже тогда эта церковь называлась Одигитріевскою. Послѣ взятія Смоленска, въ 1655 г. принесенную сюда Чудотворную икону Одигитріи не поставили на Соборной горѣ по той дѣйствительно причинѣ, что тамъ былъ католическій костелъ, въ который нельзя было вносить великую святыню (его предположено было уничтожить). Почему же избрана церковь на Верхнемъ рынкѣ, если въ то время въ рукахъ православныхъ Смолянъ могла быть хотя одна православная церковь,—Борисоглѣбская? Конечно, потому, что церкви Борисоглѣбской, погибшей въ осаду 1654 года, уже не было, а стоявшая на верхнемъ Сѣнномъ рынкѣ была для всего города центральной. Какъ уніатская, она лучше, чѣмъ костелъ, была приспособлена къ потребностямъ православнаго богослуженія: въ ней былъ иконостасъ и прочія принадлежности. Но понятно, что въ 1655 г. церковь была освящена вновь и только теперь названа въ честь иконы Богоматери,—Одигитріевскою. Такимъ образомъ, если до временъ первой осады Смоленска, въ 1611 г., на этомъ мѣстѣ стояла церковь (а это весьма вѣроятно, по положенію самаго мѣста въ центрѣ города), то онъ былъ посвященъ не Богоматери. Предположительно можно установить такую преемственную связь между первымъ и вторымъ храмомъ, что первый былъ въ честь св. евангелиста Луки, который упоминается въ Ружной записи 1598 года, а по преданію извѣстно, что сей евангелистъ, будучи живописцемъ, написалъ первыя иконы Богоматери и среди нихъ Смоленскую Одигитрію. Въ нашихъ документахъ объ Одигитріевской церкви нѣтъ никакого упоминанія.

Въ документахъ Шеиновской Приказной избы упоминается церковь св. Димитрія Солунскаго и при ней показаны священники Артемій и Кириллъ и діаконъ Иванъ. Гдѣ находилась эта церковь? Теперь церкви такого названія нѣтъ, но есть придѣлъ въ Георгіевской. Церковь Георгіевская извѣстна еще съ 1605 года. Она была де-

ревянная и погибла въ общемъ пожарѣ города Смоленска въ 1611 г. Ея не видно на планахъ 1626 г. и 1634 г. Къ 1659 году ее вновь устроили (деревянную) донскіе казаки, поселенные здѣсь по крутому косогору Георгіевской горы. Въ 1667 г. казаки были выселены за Днѣпръ, въ предѣлы Петропавловскаго прихода, въ Донщину, а около Георгіевской церкви поселились стрѣльцы [1]), и тогда-то понадобилось устроить вторую церковь, которая, вѣроятно, была посвящена въ честь св. Димитрія Солунскаго. На планахъ временъ Екатерины, хранящихся въ городскомъ музеѣ, на Георгіевскомъ холмѣ видны 2 деревянныя церкви, взамѣнъ которыхъ въ 1782 г. была построена одна каменная церковь съ двумя престолами. Ясно, такимъ образомъ, что позднѣйшая деревянная церковь, въ честь св. Димитрія Солунскаго на Георгіевской горѣ, еще не доказываетъ, что и древняя стояла тамъ же. Остается предположить, что древняя Димитріевская церковь стояла гдѣ либо по сосѣдству и, всего вѣроятнѣе, на Спасской площади. Какъ видно изъ записи на книгѣ „Уставъ церковный", Спасская церковь (прежняя деревянная) построена во время польскаго владычества и предназначалась для польскаго костела.— „Сія книга Уставъ города Смоленска, церкви Преображенія Господня старинной, которая до взятія города Смоленска прежде была костеломъ: до kostila polskiho (sic). Далъ сію книгу священникъ Θедоръ Шупинскій, 1748 г. Генваря 1 дня". Въ XVII вѣкѣ спасскіе прихожане, хотя и могли помнить, какая церковь раньше костела стояла на Спасской площади, но не желали устраивать Дмитріевскаго придѣла, ибо таковой былъ въ сосѣдней Георгіевской церкви. Спасской церкви не видно на планахъ 1626 и 1634 годовъ. Едва ли, однако, можно допустить, чтобы въ этой части города до польскаго владычества не было никакой церкви, если примемъ въ расчетъ очень малый размѣръ тогдашнихъ приходовъ. А принимая во вниманіе позднѣйшее существованіе Дмитріевскаго при-

---

[1]) С. Писаревъ. Княжеская мѣстность и храмъ князей. Стр. 243 и 223, прим. 3.

дѣла въ Георгіевской церкви, мы склоняемся признать, что на Спасской площади раньше костела существовалъ храмъ св. Димитрія Солунскаго.

Долго возбуждали сомнѣніе развалины церкви у колодца, что у дома Тиханова, при сліяніи Зеленаго и Георгіевскаго ручьевъ. Орловскій [1]) склоненъ былъ признать эти развалины древнимъ храмомъ „Живоноснаго Источника", потому что въ Покровской церкви есть придѣлъ этого имени. Въ примѣчаніяхъ къ изданной въ I выпускѣ „Смоленской Старины" Ружной записи 1598 г. указаннымъ развалинамъ дается наименованіе церкви „Происхожденія Честнаго креста". Такое опредѣленіе болѣе правильно. Въ нашихъ документахъ упоминается церковь „Происхожденіе Честнаго креста", ея попъ Никонъ (№ 150) и еще два подъ именемъ Маковеевскихъ поповъ: Алексѣй и Иванъ (№ 243). Церковь эта, вѣроятно, была значительная. Ея положеніе при 2 ручьяхъ, изъ которыхъ одинъ (Егорьевскій) назывался даже рѣчкой Гуриловкой, какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ ея храмовому празднику, въ день котораго по уставу полагается исходить на источники водные для водосвятія.

Изъ Рачевскихъ церквей въ нашихъ документахъ упомянута только одна церковь св. Григорія Богослова. Ея положеніе такъ опредѣляется въ одномъ документѣ (№ 161). Три выходца изъ Москвы пришли подъ Смоленскъ и попали въ плѣнъ къ полякамъ; чрезъ три недѣли они ушли изъ плѣна и за городскими стѣнами были взяты смоленскими стрѣльцами. Всѣ они согласно разсказывали на допросѣ, гдѣ именно ихъ плѣнили литовскіе люди. Одинъ сказалъ, что его захватили у церкви Григорія Богослова, а другіе два — на Рачевкѣ, противъ Крылошевскихъ воротъ. На планѣ Гондіуса за рѣкой Большой Рачевкой, между двухъ озеръ, видны развалины какого то высокаго, въ видѣ башни, зданія. Въ объясненіи этого номера къ плану Гондіуса сказано: „деревянная колокольня такой же величины, какъ та, которая

---

[1]) Достопамятности г. Смоленска, стр. 23.

находилась въ городѣ прежде". „Которая колокольня находилась прежде въ городѣ, опредѣлить нельзя",—замѣчаетъ отъ себя издатель плана Гондіуса, генералъ Даниловскій. Позднѣе мы увидимъ, что надо разумѣть подъ этой городской колокольней. Чѣмъ бы ни были эти развалины: церковью, или только церковной колокольней, —онѣ ясно указываютъ, что на этомъ мѣстѣ стоялъ храмъ. Примѣняя вышеуказанный методъ измѣренія по плану Гондіуса и на современномъ въ извѣстномъ масштабѣ, мы получимъ такія разстоянія отъ береговой линіи Днѣпра: по масштабу Гондіуса 158 саж., которыя, по масштабу--100 саж. въ англійскомъ дюймѣ, будутъ равняться —200 саж. Отмѣривая послѣднее разстояніе на планѣ Писарева отъ береговой линіи Днѣпра по направленію къ Зарѣчной улицѣ, мы близко подойдемъ на этой улицѣ къ дому Хозярева, въ саду котораго и теперь еще замѣтны развалины какой то церкви. Это и есть указываемая въ нашихъ документахъ церковь св. Григорія Богослова. Въ воспоминаніе объ этой церкви въ теперешней Рождественской есть придѣлъ въ честь 3 святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста. До построенія теперешней каменной церкви на Рачевкѣ, тамъ было двѣ деревянныхъ церкви и одна изъ нихъ, Духовская, въ 1812 г. сгорѣла. Въ документахъ XVIII вѣка другая деревянная церковь называется не Рождественскою, а Трехсвятительскою, что опять таки указываетъ на ея преемственную связь съ прежней Григоріе-Богословской.

Неопредѣленное выраженіе Гондіуса о колокольнѣ такой же величины, что и въ городѣ, должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что она была такой же высоты, какъ противолежащая ей по прямой линіи въ городѣ. Эта прямая, проведенная отъ церкви Григорія Богослова, упирается въ Стефанскую городскую башню, за которой должна была находиться церковь. Дѣйствительно, и въ Ружной записи 1598 г., и въ нашихъ документахъ упоминается церковь Стефанская и при ней священникъ

Алексѣй. Она находилась на Покровской улицѣ или на усадьбѣ священника Александра Яблонскаго, передававшаго мнѣ, что его усадьба—сплошное кладбище: стоитъ лишь погрузить въ землю заступъ -и выроешь кости, или немного выше, на сосѣдней усадьбѣ г-жи Кулагиной.

Весьма значительною по составу своего причта является въ нашихъ документахъ церковь св. Варвары; при ней числится три священника: Петръ, Меѳодій и Алексѣй да діаконъ Евстафій. Чтобы пріурочить ее къ какому либо пункту города, приходится въ теперешнихъ церквахъ искать придѣла св. Варвары: онъ есть въ Петропавловской церкви и существуетъ тамъ съ 1757 года. Прежняя Варварская церковь видна на планѣ Смоленска, выбитомъ на медали въ память взятія Смоленска въ 1611 г.; показана она за Днѣпромъ. Возстановилась ли она потомъ, и гдѣ,—объ этомъ мы ничего не знаемъ. Устроенная за Днѣпромъ въ 1706 г. Петромъ Великимъ новая земляная крѣпость, или „Кронверкъ", капитально должна была измѣнить планъ той мѣстности. Въ Кронверкѣ была деревянная Никольская церковь, сгорѣвшая въ 1746 г. Естественно предполагать, что въ XVII вѣкѣ существовавшая за Днѣпромъ Торговая площадь должна была, кромѣ Ильинской церкви, имѣть вблизи себя какую либо другую церковь, на противоположной сторонѣ отъ Ильинскаго ручья, и такою церковью могла быть церковь св. Варвары. Западнѣе ея располагалась древняя Петропавловская, въ XVIII вѣкѣ украшенная придѣломъ св. Варвары, послѣ того, какъ самая Варварская церковь перестала существовать.

Упоминаемыя въ нашихъ документахъ (№ 234) церкви Покровская, Благовѣщенская и Богословская не возбуждаютъ сомнѣній: онѣ и въ то время стояли на тѣхъ же мѣстахъ, что и теперь. Но три другія: Ѳоминская, Предтечевская „подъ колоколы" и Аѳанасіевская совершенно неизвѣстны по своему мѣстонахожденію. Можно только предположительно сказать, что Предтечевская „подъ колоколы" есть какъ будто церковь подъ колокольней при

храмѣ Ярославскихъ Чудотворцевъ, потому что дворъ священника этой Предтечевской церкви указывается между поповскими дворами: Ярославскихъ Чудотворцевъ и Борисоглѣбскимъ (№ 260). Аѳанасіевская церковь находилась какъ будто гдѣ-то въ предѣлахъ Воскресенской сотни. Такое впечатлѣніе получается изъ одного судебнаго акта по поводу покражи изгороди въ Зубовскомъ саду (№ 180).

Большое недоумѣніе возбуждаютъ также два документа (№№ 104 и 129), изъ которыхъ видно, что во время самой осады Смоленска обнаружилось намѣреніе построить новую деревянную церковь изъ матеріала, такъ сказать, побывшаго въ употребленіи. Два іерея: попъ Савостьянъ да попъ Демьянъ, да дьяконъ Ѳома съ товарищи, цѣлый причтъ отъ „Николы Чудотворца Троицы“, подали челобитную, чтобы имъ была пожалована „на церковь Николы Чудотворца съ казенного съ житничново двора житница, чтобъ у Чудотворнаго образа у Николы чюдотворца была служба“. Это было въ январѣ 1610 г. Въ апрѣлѣ того же года воеводы Шеинъ и Горчаковъ отдали приказъ плотникамъ Кондрашкѣ съ товарищи „на государевомъ на Житномъ дворѣ житницу, которая на храмъ пригодитца, росписати и къ той житницѣ придѣлъ на олтарь изъ другой житницы перерубити и въ олтарѣ престолы и въ церкви крылосы подѣлати, лѣсъ храменный и олтарный оскоблити набѣло... да и кровлю велѣти поновить, да и тябля ему на храме велѣти подѣлати и всякое церковное строенье устроить, а какой лѣсъ и тесъ на то надобеть, и о томъ докладовати воеводамъ“. Изъ другихъ документовъ не видно, приведено ли въ исполненіе это распоряженіе, и была ли устроена предположенная церковь. Судя по тому, что въ старину обыденныя церкви дѣйствительно созидались чуть ли не въ одинъ день, возможно допустить, что церковь почти изъ готоваго матеріала была сооружена, но гдѣ именно, — вопросъ остается открытымъ.

Считая свою задачу законченной въ предѣлахъ взятой нами темы, мы должны сказать, что изданные г. Готье новые документы Шеиновскаго архива даютъ много новыхъ данныхъ для топографіи г. Смоленска въ началѣ XVII в., и что всякій читатель ихъ обязанъ немалой благодарностью г. редактору этихъ документовъ за трудъ, понесенный имъ по приведенію въ порядокъ и изданію ихъ въ свѣтъ.

Л. Лавровскій.

